

ЙОАКИМ ЗАНДЕР

ЙОАКИМ ЗАНДЕР

ПЛОВЕЦ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44
З-27

«SIMMAREN»
by Joakim Zander

Серия «Мастера саспенса»

Перевод с шведского *Екатерины Хохловой*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Ahlander Agency.

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Зандер, Йоаким.

З-27 Пловец : роман / Йоаким Зандер; [пер. с швед.
Е.Н. Хохловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. —
351 [1] с. — (Мастера саспенса).

ISBN 978-5-17-090594-2

1980-е годы, Дамаск. Американский агент допускает непростительную ошибку, его подруга погибает, и он вынужден срочно вернуться в США, бросив свою новорожденную дочь. Он пытается начать новую жизнь, но прошлое не отпускает его.

Спустя тридцать лет молодой юрист-исследователь из шведской Упсалы Махмуд Шаммош получает доступ к секретной информации, связанной с военными преступлениями, и становится мишенью загадочных преследователей. Он обращается за помощью к старой подруге Кларе Вальден, которая работает ассистентом в Европарламенте в Брюсселе. Теперь за Кларой и Махмудом по всей Европе охотятся таинственные службы, которые не намерены оставлять свидетелей в живых. В современном мире размыты границы не только между странами: как понять, кто друг, а кто враг?

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-090594-2

Copyright © Joakim Zander 2013
© Хохлова Е.Н., перевод, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Посвящается Лиисе, Милле и Лукасу

Вокруг нас продолжается безумие империй.

Джейн Хиршфилд

Июль 1980 года
Дамаск, Сирия

Каждый раз, когда я тебя обнимаю, последний. Я знал это с нашего первого объятия. И когда ты вернулась и сунула мне в руки ребенка и я, измученный бессонницей, прижал его к груди, я снова подумал, что все это в последний раз.

Ты смотришь на меня ясным, словно обещание дождя, взглядом, и я понимаю, что тебе все известно. Давно уже известно. О моем предательстве. И в это мгновение мы оба чувствуем его смердящее дыхание, его грохочущее неровное сердцебиение.

Ребенок беспокойно ворочался в кроватке. Я хотел его взять, но ты успевала раньше. Взяла на руки и протянула мне. Ты чувствуешь его дыхание, слышишь стук его сердца сквозь одеяльце, связанное твоей мамой. Его сердце — мое сердце. Предательству своей крови и плоти нет оправдания. Это нельзя ни объяснить, ни извинить. Любая попытка будет обманом и лицемерием. И в том, и в другом мне нет равных.

Город раскалился до предела. Два месяца без дождя. Камни и асфальт горячее лавы. По вечерам город больше не серый и не бежевый. Он весь одно сплошное марево из

Йоаким Зандер

жары. Высохший, обезвоженный, изможденный. От жары мозг ничего не соображает. В воздухе запах гниющего мусора и выхлопных газов, сквозь который изредка пробивается аромат чеснока и тмина. Но я чувствую только запах младенца. Закрываю глаза, прижимаюсь носом к покрытой легким пушком головке ребенка и вдыхаю аромат. Младенец в моих руках горячий. Слишком горячий. Температура не спадает.

Ты говоришь, что так уже три дня. Вижу, как ты роешься в ящиках в поисках аспирина или другого жаропонижающего. Эта жара. Она сводит с ума. Нам обоим известно, что ничего такого я в квартире не держу. Может, мне это мерещится от жары? Что мы вообще здесь делаем?

— Дай мне ключи от машины, — просишь ты.

Машешь рукой перед лицом, как торговцы на базаре, когда называют цену. Видя, что я сомневаюсь, повторяешь:

— Дай мне эти чертовы ключи!

Голос на октаву выше. Я слышу нотки отчаяния.

— Погоди... Может, лучше я....

Ребенок едва дышит у меня на руках.

— А как ты собираешься попасть в посольство, скажи мне? Ты что, не видишь, что нужно сбить температуру?

Я неохотно достаю связку из кармана. Прижимая другой рукой ребенка к груди, я протягиваю ключи ей, но роняю их на пол прихожей. Со звоном они ударяются о мраморные плитки. Но жара приглушает даже этот звук. Мы одновременно нагибаемся, чтобы поднять их. Наши пальцы соприкасаются. Я смотрю тебе в глаза. Ты отдергиваешь ключи, выпрямляешься и выходишь из квартиры. Я слышу эхо шагов на лестнице и хлопок входной двери.

Пловец

...В поисках тени я выхожу на балкон. Оттуда видно улицу. Из-за жары трудно дышать. Я уже забыл, что такое ветер. Ужасно воняет. Что случилось с жасмином? Когда-то в городе пахло жасмином.

Медальон, который ты дала мне до того, как началась засуха и все стало жаром, обжигает мне грудь. Он принадлежал твоей матери. Я оставлю его здесь. Просто положу на столик в прихожей, украшенный перламутровыми вставками с вкраплением розового дерева, который мы вместе купили на базаре за неделю до того, как ты узнала, что беременна. У меня нет права его носить. Он мне не принадлежит. И никогда не принадлежал.

О выживании мне известно все. В этом городе я знаю каждую улочку, каждое кафе, каждого продавца антиквариата с пышными усами, проворачивающего темные делишки. Я знаю, кто из торговцев едой распространяет сплетни и слухи. Знаю, что видит и слышит мальчик, продающий чай из самовара в метр вышиной у него на плече. Я пил импортный виски в прокуренной комнате с президентом и руководителем организации, которая официально находится в опале. Президент знает мое имя. Точнее, одно из моих имен. В моих руках было много денег. Я помогал им перейти в другие руки — руки, которые могли принести пользу людям, чьи интересы я представляю. На ваших языках я говорю лучше вас. Но я хочу убежать. Отправьте меня в джунгли, в степи, в лобби «Савоя», только дайте мне минуту, чтобы сменить личность. Я щерлица, пожелтевшая былинка, молодой банкир в дорогом костюме в елочку, с длинными волосами, почетными привилегиями и смутным прошлым. Я знаю ваших университетских друзей. Разумеется, через третьих лиц. Меня они никогда не помнят.

Йоаким Зандер

Вы не в курсе, но я намного лучше вас. Я быстрее меняюсь. Приспосабливаюсь. Меняю окраску, как хамелеон. Только сущность остается неизменной. У меня нет друзей. Я стараюсь ни с кем не сближаться. Все новые связи я обрубаю, как только возникает риск, что они меня ослабят. Но в последнее время я потерял концентрацию. Я позволил им — кровным связям — связать меня по рукам и ногам.

Игра вечна, но эта партия закончена.

Я прижимаю ребенка к груди. Стопой нервно постукиваю по бетону. Перед глазами встают картины смерти. Я встряхиваю головой и мысленно шепчу: «Нет, нет, нет...»

Вздувшееся лицо в канаве у автострады на пути в аэропорт. Выпученные глаза. Мухи. Мухи.

Нет, нет, нет.

Почему я не дал ему уйти? Я же все понимал. Почему уговорил Фираса на еще одну встречу, хоть знал, чем это грозит? Почему не доверился инстинктам? Зачем мне нужно было услышать это еще раз? Еще раз заглянуть ему в глаза, чтобы увидеть, что он скрывает. Увидеть, как мрачнеет его лицо, когда он против воли повторяет свою историю. Увидеть, как у него начинается нервный тик. Мне нужны были эти детали, эти нюансы. Все то, что может помочь отличить правду от лжи, жизнь от смерти. Я жму-рю глаза, качаю головой, чувствуя, как на меня накатывает чувство вины. Мне не следовало этого делать.

Но сейчас нельзя терять время. Автомобиль, взятый напрокат одним из моих осведомителей, припаркован за углом. В багажнике — рюкзак с одеждой, деньгами и новым паспортом. Путь к бегству разработан и записан невиди-

Пловец

мыми чернилами у меня в голове. Это единственное решение. Раствориться в воздухе. Слиться с маревом, запахом чеснока, тмина, помоев и выхлопных газов. В хороший день — и жасмина тоже.

Я приподнимаю ребенка. Смотрю на него. У малышки твои глаза. Так будет проще. Кто способен покинуть собственного ребенка? Даже чтобы защитить. Предательство — это предательство. Ложь — это ложь. Давайте называть вещи своими именами.

Шум с улицы. Голоса, но слов с третьего этажа не разобрать. Машины медленно ползут по раскаленному бетону, изнемогая от зноя. Щелчки незапускающегося двигателя. Машина никак не хочет заводиться. Крутить ключ бесполезно.

Я подхожу ближе к перилам. Солнце жжет нестерпимо. Меня тут же бросает в пот, хоть руки, лицо, спина и грудь и так все мокрые. Я наклоняюсь, смотрю на старый ржавый зеленый «Рено» на другой стороне улицы. В голове роятся мысли. Мне повезло найти место так близко к дому. Сколько еще машина простоит там, прежде чем люди поймут, что ее бросили? Может, ты сама отыщешь ключи и отгонишь ее? Хотя зачем тебе это?

Солнечные блики на стекле. Прищурившись, я вижу тебя. Твои красивые длинные волосы потеряли блеск из-за бессонных ночей и зноя. На изможденном лице написаны раздражение и тревога. И все равно ты прекрасна. Ты самая прекрасная женщина на свете. И я смотрю на тебя в последний раз. В моем сердце словно поворачивается нож.

— Рррр, — рычит мотор, но не заводится.

Это знак. Один из тысяч знаков, которые я научился замечать и которые до сих пор спасали мне жизнь. Слишком поздно, понимаю я, слишком поздно. Инстинкт подвел

Йоаким Зандер

меня. Смертельный ужас, беспомощность, вина, вина, вина... Вот что успеваю я испытать, прежде чем все превращается в одну сплошную боль.

Когда взрыв сотрясает воздух, я уже лежу на полу. Барабанные перепонки чуть не лопаются от шума, который не смогла приглушить жара. Взрыв был короткий, но очень мощный. Все мое тело покрыто осколками стекла, кусочками металла и бетона.

За взрывом наступает тишина. Мне кажется, что я ранен. Я знаю, что раз чувствую это, значит, я жив. Я пытаюсь понять, где мои руки. Что они держат. Что лежит подо мной. Я приподнимаюсь на локтях. Руки меня слушаются. Трещит стекло. Подо мной лежит ребенок. Мои ладони плотно прижаты к ее ушам. Она тяжело дышит. Она вся горячая. Но без единой царапины.

8 декабря 2013 года
Упсала

Махмуд Шаммош не был параноиком. Как раз наоборот. Он считал себя рациональным высокообразованным человеком, уверенно идущим к своей цели. Махмуд не верил в конспирационные теории и сверхъестественное. Это все для подростков, джихадистов и прочих фанатов альтернативной истории. Он сам привык добиваться всего в жизни, не ища утешения в религии или поддержки в секте. Он своими собственными силами выбился в люди и сбежал из бетонных джунглей пригорода. Сам победил безнадежность и нищету. Его путь к докторской позиции в Упсальском университете был тернистым, но он сам его прошел. Махмуд верил, что самое простое решение в девяти из десяти случаев — верное. Паранойя — это для лузеров.

Пловец

Приложив усилия, он вытащил свой ржавый «Крецент» из кучи припаркованных перед «Каролиной Редививой» велосипедов. Когда-то давно он был синего цвета. Красивые новые велосипеды водились только у первокурсников. Ветераны знали, что не пройдет и недели, как их украдут. Велосипед Махмуда был на грани того, чтобы отправить его на свалку, но пока еще на ходу, так что кражи можно было не опасаться.

Он несколько раз нажал на педали, а дальше велосипед сам поехал вниз с холма.

Прожив в Упсале семь лет, он не уставал наслаждаться ощущением ветра, бьющего в лицо, когда несешься вниз по улице Дроттнинггатан. Руки, сжимающие руль, заledenели. Он невольно обернулся. Огни библиотеки одиноко горели в декабрьских сумерках. Никто его не преследовал.

Рецепция юридического факультета на площади Гамлаторьет была украшена к Рождеству. Елка и свечи Адвента были зажжены даже в воскресенье, но в коридоре на четвертом этаже было темно. Махмуд отпер дверь в свой крохотный кабинет и отключил сигнализацию. Включив лампу, он присел за компьютер.

Сидя спиной к окну, он отодвинул в сторону книги о приватизации государственных предприятий и правах человека.

Если все пойдет по плану, то скоро выйдет его собственная книга «Приватизация войны». Так же называлась его докторская. Книга была написана наполовину, и это наполняло его гордостью.

Книга и докторская потребовали от него много исследовательской работы и научных поездок, что не характерно для юридического факультета. Но такова была его задумка. Махмуд проповедовал современный междисциплинарный подход. Он провел более пятидесяти интервью

Йоаким Зандер

с сотрудниками частных американских и британских компаний в Ираке и Афганистане. Эти компании выполняли функцию, которая раньше возлагалась на военных. Они занимались транспортировкой грузов, обеспечением, охраной и даже боевой деятельностью.

Сперва он надеялся раскопать сенсацию — новые Абу-Грэйб или Май Лай — и стать знаменитым ученым, разоблачившим преступления. Его происхождение было бы ему только на руку. Но Махмуду не удалось ничего раскопать. Но тем не менее его статьями заинтересовался «Европейский журнал по международному праву» и шведская газета «Дагенс Нюхетер». За публикациями последовало интервью с «Си-эн-эн» в Кабуле. После этого его внезапно начали приглашать на международные конференции и симпозиумы. Во рту у Махмуда появился сладкий вкус скорого успеха. А потом пришло это странное послание.

Со вздохом Махмуд достал толстую стопку бумаги из стола. Последняя глава его докторской. Первая страница была вся испещрена комментариями, сделанными красными чернилами. Его руководителем был офицер в запасе, который всячески пытался вставить в работу свои собственные мысли. С тяжелым сердцем Махмуд отложил стопку в сторону. Сначала почта.

Старый компьютер заворчал, когда Махмуд попытался открыть электронный ящик. Наверно, ему не нравилось работать по воскресеньям. Компьютерное обеспечение в университете знавало лучшие времена. Но это тоже говорило о статусе факультета. Студенты поступали сюда не ради современных удобств, а ради пятисотлетних традиций.

Пловец

Махмуд посмотрел в окно. Кабинет у него был крошечный, но из окна открывался великолепный вид — один из лучших в Упсале. Вид на реку Фурисон и дом, который Ингмар Бергман снимал в фильме «Фанни и Александр». Как он называется? Академикварнен? Там, между собором и замком, в призрачном свете фонарей, во всем великолепии своей торжественности и буржуазности. Махмуд редко думал об этом, но вид здесь резко отличался от видов в местах, где он вырос. Перед глазами встала разбитая детская площадка в бетонных джунглях пригорода. Махмуд прогнал видение и вернулся к почте. Одно новое письмо, без темы. Ничего удивительного. Он проверял почту всего четверть часа назад в библиотеке. Махмуд уже собирался удалить его, приняв за спам, но его внимание привлек адрес — Jagare00@hotmail.com*. Пульс у Махмуда участился. Это было уже второе послание с этого адреса. Первое пришло сразу, как он вернулся из своей последней поездки в Афганистан, и именно оно и стало причиной паранойи, обычно Махмуду не свойственной.

Письмо было на шведском. И возникло ощущение, что отправили его из Афганистана.

Шаммош,

я видел твоё интервью на «Си-эн-эн» пару дней назад. Похоже, ты настроен серьезно. Мы можем встретиться в Кабуле в ближайшие дни? У меня есть информация, которая может представлять для тебя интерес. Но будь осторожен. За тобой следят.

Мужество, сила, выносливость.

* «Jagare» в переводе со шведского значит «охотник». Здесь и далее — примечания переводчика.